

В. Тильманов

Христианская аксиология в творчестве А. С. Пушкина

Жилина Н. П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты: монография. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 311 с.

Знаменательное событие литературной жизни не только университета, но и всего нашего пушкиноведения — появление монографии Н. П. Жилиной, посвященной исследованию творчества А. С. Пушкина под совершенно особым углом зрения, а именно в контексте его прямой или косвенной связи с основными ценностями христианской онтологии и антропологии. Актуальность подобного подхода несомненна, поскольку вносит свой вклад в прояснение вопроса «Пушкин и христианство»: по поводу него в последние десятилетия наметился примечательный «водораздел» в российском пушкиноведении. Действительно, с одной стороны, сегодня уже нет необходимости доказывать, что сокровенные идеи и смыслы пушкинских произведений невозможно понять без учета их духовной и образно-поэтической укорененности в глубинах христианской культуры, о чем писали уже многие (В. С. Непомнящий, В. Г. Мороз, Г. А. Лескис, А. А. Фаустов и т. д.). С другой — по-прежнему мучит евангельский вопрос «Что есть истина?», взятый эпитафией Пушкиным к его стихотворению «Герой», написанному в 1830 году под впечатлением визита Николая I в охваченную холерой Москву. Уже в данном стихотворении словами Поэта хотя бы косвенно обозначена вся проблема истины в зависимости от ее восприятия тем или иным типом общественного сознания:

Да будет проклят правды свет,
Когда Посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких Истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Тайна поэзии с «нас возвышающим обманом» как раз и обостряет проблему разности религиозной и поэтической аксиологий в связи с разностью онтологий, которые определяют соответствующий тип сознания. Уже на подобном полемическом фоне исследование Н. П. Жилиной вызывает несомненный интерес и не разочаровывает читателя, поскольку находит своеобразный интеграл между христианской, прежде всего святоотеческой, и художественно-поэтической аксиологиями в творчестве Пушкина, сводимый к базовой оппозиции «страсть — нравственный закон». Страстное состояние — губительно независимо от вида страсти: страсть — «беззаконие смерти»; нравственный закон — «естественный закон жизни», данный человеку Богом. Именно этот интеграл позволяет Н. П. Жилиной сделать вывод о том, что творчество Пушкина предстает «как единая аксиологическая система» (с. 7), основой которой являются прежде всего христианские ценности. В таком смысле она присоединяется к новой идейно-смысловой парадигме пушкиноведения, вызванной «радикальнейшим методологическим сдвигом в изучении творчества Пушкина» (с. 7), связанного в первую очередь с работами В. С. Непомнящего.

Свой вывод о христианской основе пушкинской аксиологии исследовательница стремится подтвердить кропотливым литературоведческим и лингвостилистическим анализом, который не может не впечатлить: хорошо известные пушкинские творения от «южных поэм» до хрестоматийной прозы предстают в его свете в той идейной специфике, которая так актуальна для современного общества: без следования нравственному закону «оказываются недостижимыми ни истинная *свобода*, ни истинное *счастье*» (с. 292). В связи с этим монография Н. П. Жилиной приобретает помимо теоретико-познавательной ценности еще и бесспорную идейно-педагогическую значимость, доказывая еще раз, насколько Пушкин современен.

